

Горбушка

(Б. Алмазов)

Гришка, из нашей средней группы, принёс в детский сад пластмассовую трубочку. Посвистел в неё, а потом стал плевать из неё пластилиновыми шариками. Плевался исподтишка, чтобы воспитательница – Инна Константиновна – ничего не видела.

Я дежурил в столовой. Суп разносить трудно, но я разнёс все тарелки хорошо.

Стал раскладывать хлеб на хлебницы. Тут все ребята подошли. Пришёл и Гришка со своей трубочкой. Он как дунет в меня! Пластилиновый шарик попал мне прямо в лоб и отскочил в мою тарелку с супом. Гришка захохотал, и ребята захихикали.

Мне так обидно стало. Я старался, дежурил, а он мне в лоб, и все смеются! В руке у меня была горбушка. Я себе её оставил, я горбушки люблю. От обиды я запустил этой горбушкой в Гришку. Горбушка от его головы отскочила и покатилась по полу.

В столовой сразу стало тихо. Инна Константиновна посмотрела на меня, покраснела, прошла через столовую, подняла горбушку, сдула с неё пыль и положила на край стола.

– Вечером, – сказала она, – Когда все, после полдника, пойдут гулять, ты, Серёжа, останешься в группе. Подумай над тем, что сделал. Ты приходишь в детский сад один, но завтра приходи с папой.

Когда я пришёл домой, папа уже вернулся с работы.

– Ну как дела? – спросил он.

– Нормально, – ответил я и поспешил к своим игрушкам.

– Если нормально, то почему некоторые в шапке в комнату входят; явившись с улицы, не моют руки?

Действительно, я и шапки не снял, и руки не помыл.

– Давай-ка, – сказал папа, – рассказывай, что у тебя стряслось.

– Инна Константиновна несправедливо наказывает! Гришка же мне первый в лоб шариком попал. Я в него горбушкой потом...

– Горбушкой?

– Ну да, от круглого хлеба. Гришка первый, а наказали меня! Папа очень расстроился. Сел на диван, опустил голову.

– За что тебя наказали? – спросил он.

– Чтобы не дрался! Но ведь Гришка первый начал!

– Так!.. – сказал папа. – Ну-ка, принеси мою папку. Она в столе лежит, в нижнем ящике.

Папа её очень редко достаёт. Там папины почётные грамоты, фотографии.

Папа достал конверт из пожелтевшей бумаги.

– Ты никогда не задумывался, почему у тебя нет ни бабушки, ни дедушки?

– Задумывался, – сказал я. – У некоторых ребят по два дедушки и по две бабушки, а у меня никого...

– А почему их нет? – спросил папа.

– Они погибли на войне.

– Да, – сказал папа. Он достал узенькую полоску бумаги. – «Извещение», – прочитал он, и я увидел, как у папы задрожал подбородок: – «Проявив мужество и героизм в составе морского десанта, пал смертью храбрых...» – это один твой дедушка. Мой отец. А вот это: «Скончался от ран...» – это второй дедушка, мамин папа.

– А бабушки?

– Они умерли в блокаду. Фашисты окружили наш город. Начался голод.

Ленинград остался совсем без продовольствия.

– И без хлеба?

– На день выдавали такой кусочек, какой ты съедаешь за обедом.

– И всё?

– И всё... Да и хлеб-то был с мякиной да с хвоей... Блокадный...

Папа достал фотографию.

– Ну, – сказал он, – найди меня.

Но все ребята-школьники были ужасно худые и похожи между собой, как братья. У всех были усталые лица и печальные глаза.

– Вот я, – папа показал на мальчика во втором ряду. – А вот – мама.

Я бы её никогда не узнал.

– Это наш детский дом. Нас не успели вывезти, и мы всю блокаду были в Ленинграде. Иногда к нам приходили солдаты или моряки. Приносили хлеб. Мама наша была совсем маленькая и радовалась: «Хлебушко! Хлебушко!» А мы, ребята постарше, понимали, что это бойцы отдали нам свой дневной паёк и на морозе в окопах сидят совсем голодные...

Я обхватил папу руками и закричал:

– Папочка! Накажи меня как хочешь!

– Что ты! Что ты!.. Ты только пойми, сынок, хлеб – не просто еда... А ты его на пол...

– Я больше никогда не буду! – прошептал я.

– Я знаю, – сказал папа.

Мы стояли у окна.